

Любовь

Машкова

ЖИТЬ В СЛОВЕ

Книга «Соединяя берега» вышла в Москве в издательстве «Дикси пресс» в 2018 году по инициативе студийцев Евгения Курдакова, отметивших его тридцатилетие своего, образовавшегося в 1987 году, сообщества «Устье», собиравшегося в Усть-Каменогорском Дворце металлургов, а ныне разбросанного по городам и весям. И таковы реалии сегодняшнего дня, что сквозь время и пространство не сразу добралась она до Алматы, но зато стала дорогим подарком в год 80-летия Евгения Васильевича Курдакова, потому что, собственно, памяти учителя она и посвящена, и полнится личностью Курдакова, его стихами, проходящими через весь сборник, статьями о нем.

Но что особенно дорого, и что было бы, думаю, особенно оценено большим поэтом и мастером – это уровень представленных в книге подборок стихов его бывших студийцев: Валентина Балмочных, Валентина Голиненко, Сергея Комова, Петра Лопатина, Сергея Миляева, Юрия Савченко, Владимира Тихомирова, Федора Черепанова, состоявшихся как интересные, значительные поэты, изначально принявшие свою стезю как служение и попытавшиеся вопреки выхолащивающему душу времени удержаться на ней.

Федор Черепанов в предисловии к книге «Жить в слове» пишет: «Но чем же он мог подкупить нас, уличных пацанов, балующихся словом? Тем, что ударял нас лбами о великую ответственность: “Был в древности такой способ исцелить человека – взять его болезнь на себя”. После такого разговора было только две дороги – навсегда забыв о поэзии, больше не попадаться на глаза Курдакову, или учиться принимать на себя скорби племени в надежде когда-нибудь стать поэтом... Мы все становились хранителями слова, хранителями вселенной; в борьбе со-зидания и разрушения нам всем предстояло стать собирателями и выразителями народного духа».

Черепанов признается, что уже никогда после – ни в литературном институте, ни в знаменитых московских студиях – нигде не встречалось ему такое отношение к делу поэта. Курдаков и вся созданная им студийная творческая атмосфера требовала «жертвенного отношения к слову, когда нельзя ни сфальшивить, ни поиграть на публику, ни покрасоваться образом». «Служение слову дарило ощущение подлинности жизни. Курдаков так и говорил: нужно жить в слове. Сам он уже подступился к родословной языка в книге “В этих взлетах...”»

Задачи, которые ставил Евгений Васильевич перед своими студийцами, были бы, возможно, даже малопонятны современным начинающим поэтам, озабоченным зачастую единственным – упрятать за словесной эквилибристикой собственную несформировавшуюся мысль или образ, было бы всё это выражено позаковыристей. А Курдаков требовал знать предмет, о котором пишешь, знать метрику русского стиха, как музыкант знает нотную грамоту, исследовать выбранную тему вширь и вглубь, настаивая, что человек должен узнать в природе сорок трав, сорок деревьев, сорок птиц... Становиться хранителем слова, хранителем вселенной.. Зная, что на алтайской горной речке Мякотихе есть реликтовая березовая роща, а Федор Черепанов уроженец тех мест, наказывал ему: «Это дерево должно стать твоим родовым деревом. Такой березы нет нигде больше в мире».

Результаты таких серьезных штудий не заставили себя ждать. На девятом Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве в 1989 году получили высокие оценки рукописи Валентина Балмочных, Сергея Миляева, Юрия Савченко, Валентина Голиненко. Годовую стипендию Литфонда СССР получили Балмочных и Миляев. Но предъявляя высокие требования «жизни в слове» к своим студийцам, Курдаков прежде всего предъявлял их всю свою жизнь к себе – и в Усть-Каменогорске, и в Алма-Ате, и в Москве, и в Великом Новгороде.

«Как художник он определял главную суть вещей, главную черту в человеке. Так приходили к Адаму звери, чтобы быть нареченными... – замечает Ф. Черепанов, – так, похоже, пришла к нему в Великом Новгороде и Мстинская улица с храмом Никиты-мученика – чтобы быть воспетыми. Мне, гостю их маленькой тихой квартиры на Мстинской, казалось, что более точного адреса у Курдакова быть не может. София смотрела в окна его последнего кабинета. То была мило-сердная подсказка, где искать его сердцу истоки всего сущего».

«Жизнь прошла не на отшибе, – заключает Черепанов о своем усть-каменогорском житье-бытье. – И если сходились за столом с Курдаковым, считай, что побывали на одном пиру с Ломоносовым, Державиным, Циолковским...»

О значении этих людей в истории России и ее словесности написаны Е. В. Курдаковым вдохновенные эссе. В Варлаамов-Хутынский монастырь, где похоронен Г. Р. Державин, хотел найти свое последнее упокоение и Е. В. Курдаков. Наверное, так хотел завершить жизненный круг: ведь мама поэта и его дядя, погибший в Великую Отечественную на Новгородчине, родом из деревни Лоховка – оренбургского имения Гаврилы Романовича. Но не случилось. Похоронен поэт в Старой Руссе, где проходили летние счастливые семейные месяцы Ф. М. Достоевского и где создан музей великого русского писателя, в котором часто бывал Курдаков.

Книга «Соединяя берега» составлена таким образом, что каждая подборка каждого из восьми поэтов начинается стихотворением Евгения Курдакова, и завершается сборник его стихами, надо полагать, самыми любимыми, выбранными студийцами. «Псы Актеона», «Опять, как трава, прорастают слова», «Переберу любимыми словами», «Залив», «Есть игры и жизни...», «Я, к старости стихнув, фотографом стану...», «Дождись меня, река моя, дождись...», «Стихает жизнь, и не хватает света...» – классика Курдакова.

И почудилось мне какое-то внутреннее созвучие между этими предваряющими подборки бывших учеников стихами учителя и состоявшейся судьбой его подопечных, их стихами. Потому хочется вместить в эту статью как можно больше их свидетельств возрастания в «гнезде птенцов Курдакова», взаимовлияния их друг

с другом и мастером, ведь такое проживание в литературе старшего с младшими, их общая необходимость в том не только ставили на крыло, – формировали личности. И о курдаковских студийных уроках хочется говорить подробно, потому что вдруг да пригодятся тем молодым, кто ищет себя в литературе.

Поэт был щедр в своем общении со студийцами – товарищами по творческому цеху и судьбе: они были своими у него дома, в мастерской, он разбирал их первые книги, напутствовал их, писал письма. Не прекращалось это общение и в Великом Новгороде, тем более, что многие из студийцев в девяностые годы потянулись в Россию.

Вот посвящение Курдакова Сергею Миляеву на выход его первой книги:

«Перед первой книгой задержи дыхание, // Это как прощанье пред уходом в бой, // Ничего не поздно в этом зависанье // Между просто жизнью и почти судьбой».

Да, именно «перед уходом в бой» и именно «зависанье»: останешься ли ты в «просто жизни» или найдешь свою поэтическую судьбу.

Щедрое раздаривание учителем себя аукнулось в стихотворении Сергея Комова «В день рожденья Курдакова» («Простор») публиковал этот прекрасный его цикл):

«В День рожденья Курдакова // Шел чудесный снегопад, // Словно город, сняв с основы, // Поместили в белый сад. // Ребяшня, деревья, птицы, // Смех, сиянье, серебро. // Кто же может разориться, // Раздарив свое добро?»

Сергей прав: к тому, кто столь щедро раздаривал себя, добро возвращалось «смехом, сияньем, серебром». У каждого из студийцев было свое общение с учителем, и у каждого из них своя память о нем, пусть где-то и перекликающаяся. В статье «Псы Актеона», которая до книги была опубликована в журнале «Простор», автор рассказывает и о студии «Устье», и о студийцах – Тихомирове, Голиненко, Черепанове, Балмочных, Савченко, Миляеве, возглавившем студию после Курдакова, и о навещавшем ее Викторе Веригине, и о занятиях в литобъединении Юрия Плеслова, но более всего – о своем учителе и его уроках. (Увы, половины из названных здесь поэтов уже нет на белом свете.)

«В слове “Устье” слышалось не только название города, но и обещающий разлив, возможное впадение в большую литературу», – пишет С. Комов. Так оно, собственно, и произошло. Но далеко не сразу. «Поэзия не есть ответ на что-то, ибо она первична и существует сама по себе. Как Господь создал человека по образу и подобию своему, так и поэт творит свой мир по своему подобию, словом оживляя предмет. Поэт несет ответственность перед Богом за сказанное слово», – так гласит завет Курдакова, воплощенный его учениками.

Курдаков учил студийцев с той же погруженностью, что и сам, постоянно державший на столе двухтомник «Мифы народов мира», относиться к народным мифам как к вместилищу души народной, учил чтению словарей, первейший из которых для русского поэта на все времена – четырехтомный Даля. Поощряя ученика к дальнейшему освоению темы России, которая явственно зазвучала в первой книге С. Комова, он обращает его внимание на поэтическое творчество Владимира Набокова, Владислава Ходасевича, Георгия Иванова, называя последнего гениальным русским поэтом. Убеждал не пренебрегать своим поэтическим даром: «Ведь дар, он достается даром от Бога, и ты не имеешь права его скрывать».

Как наглядные творческие уроки вспоминает Сергей поездку по весне с Курдаковым на Бухтарму, в деревню к своим родителям, а потом и к деду, долгие беседы, прогулки по берегу, находки древних кремнёвых сколков, которым, как дитя, радовался Курдаков. Западает в душу рассказ Евгения Васильевича, как однажды прожил он неделю в палатке на берегу Зайсана, один на один с природой, о том незабвенном ощущении непокинутости, о слиянии с Богом, его огромным, неповторимым миром, что вошло в цикл стихов «Залив».

Вечером родители, как водится, накрыли стол, мама расстаралась: поставила соленья-угощенья, а после первых тостов затянула песню «Шел казак на побывку домой». Курдаков поразился, какой богатейший фольклорный материал у его ученика под рукой, достал блокнот, стал записывать. И рассказ деда-фронтовика Ивана Моисеевича о том, как он из крыла фашистского самолета вырезал кусок и сделал пару ведер, одно из них и теперь в хозяйстве пригождается, стал потом у Курдакова новеллой. Это умение Евгения Васильевича «видеть особым зрением в повседневном необычное и значительное» откликнулось сторицей в творчестве Сергея Комова: он написал свою «Балладу о ведре», поэму «Над быстрым Иртышом», искрящуюся казачьим фольклором, а в прозе – книгу рассказов «Над высоким берегом залива» и свою родословную «Родня и земляки».

Предпоследняя встреча их состоялась, когда Курдаков, уже предвидя свой уход, приезжал проститься с родными в Усть-Каменогорск: «Бедный, слабый воин Бога, весь истаявший, как дым...». А три месяца спустя Сергею довелось побывать у поэта в Великом Новгороде.

«На прощание он подарил мне свои избранные «Стихотворения», книгу «Дождь золотой» и чудесный альбом из собрания новгородского музея «Русская икона»: «Пусть твои детки смотрят на это великолепие, оно душой читается. А тебя, Сережа, хочу попросить, поставь в день моего рождения за меня свечку...»

За окном, за тополями и кленами, за рекой в сумерках остывающего дня едва виднелся Софийский собор. Мы попрощались, и я уносил печаль в своем сердце. Мне думалось о том, что Курдаков, возвращенный в атеистической среде, прошедший и повидавший многое в своей жизни, вплотную подошел своим сердцем к стенам православных храмов, вошел внутрь, изумленно остановившись у русских икон. Он рассматривал их как знаток и изысканный мастер, возрадивший в глубине своего сердца православную веру...

Каждый год в день рождения Е. В. Курдакова, 27 марта, выполняя завещание моего наставника, я зажигаю поминальную свечку. Прошли годы, а память о нем горит купиной неопалимой:

*«Сонным зноем пропитано лето, // И с его раскаленного дна // Отраженьем
всевышнего света // Выкипает, клубясь, купина».*

Завершая книгу «Соединяя берега», о студии «Устье» пишет Петр Лопатин, единственный из всех бывших студийцев живущий ныне в Риддере, в Восточно-Казахстанской области, где началась вся эта студийная жизнь:

«Сегодня, оглядываясь с высоты прожитых лет, я понимаю, что студия поэзии “Устье” и ее идейный вдохновитель Евгений Курдаков было то лучшее, что могло произойти в моей жизни. Знакомство с участниками поэтической студии оказало колоссальное влияние на мое духовное, нравственное и творческое развитие.

Все мы были абсолютно разными: неистовый и органичный, как сама природа, Валентин Балмочных, напряженный, как струна, и одновременно бесконечно ин-

теллигентный Сергей Миляев, мистически загадочный и немногословный Юрий Савченко, самоуглубленный и сдержанный, с глубоко спрятанным внутренним нравственным огнем Федор Черепанов, не по годам мудрый, с большими литературными познаниями и абсолютным поэтическим слухом Владимир Тихомиров, с тончайшей душевной организацией и постоянной жаждой познания Сергей Комов. И, конечно, наш Учитель и поэтический поводырь, фантастически талантливый и гениальный Евгений Курдаков... В этот плавильный котел каждый, как редкоземельный элемент, добавлял свои необыкновенные качества, из которых выплавлялась наша необыкновенная общность».

И как же дорого стоят завершающие слова Петра Лопатина: «Наступили смутные 90-е, "...жизнь подошла" и разметала по свету наше братство. Прикладное искусство дизайна и архитектуры – то, чем я занимался всю свою жизнь – одержало верх над поисками себя в литературе. Но то, что прозвучало однажды в удивительных стихах Сергея Миляева: "Очиститься, вернуть частицу детства – с тем блеском глаз и трепетом мечты, что наполняет смыслом малолетство", то, что наполняло наши сердца любовью, состраданием и честью, навсегда стало стержнем моей жизни...»

Многим ли из нас есть к кому обратиться по подобным словам?

* * *

Книга прочитана, оплакана, сделана поэтическая подборка юбиляра по его последней, составленной им самим, книге «Стихотворения»; для нашего журнала доработал свою статью о творчестве и судьбе Евгения Курдакова студиец и замечательный поэт Юрий Савченко. Но круг воспоминаний не завершается. Ведь каждый, кого судьба сводила с Курдаковым, обжигался «купиной неопалимой» бушевавшей в нем творческой энергии – «жизни в слове».

Мне довелось быть в Усть-Каменогорске и даже выступать с Евгением Курдаковым и студийцами Федором Черепановым и Валентином Балмочных в одной из школ города. И если Федор запомнился ликом отрока Варфоломея с известной картины Нестерова, то Валя Балмочных скорее походил на разбойника Кудеяра. Он и сам, оказывается, казацкого рода, и горел неостудным огнем боренья с жизнью и стихом, в котором еще мало было совершенства, но много стихийной силы. С Валентином Женя ходил в горы добывать мумиё, которое они и нам привозили в Алма-Ату, и мы в молодые наши годы пытались как-то им лечиться. Думаю, Валя был самым преданным и самым любимым курдаковским учеником, чувствовалось, что сердце старшего друга болело за него.

В Алма-Ате уже выходила маленькая книжка стихов Курдакова «Сад мой живой», а в 1986-м он сразу заявился двумя книгами: в издательстве «Жалын» готовился его сборник стихов «Мой берег вечный» и одновременно в издательстве «Кайнар» книга о флористике «Лес и мастерская», позже переведенная в Болгарии. Впервые о Курдакове я и услышала в «Жалыне», от его редактора Вячеслава Киктенко, читавшего эти стихи:

«Мой берег вечный, река без края, волна и ветер! // Как мало надо, чтоб быть счастливым на белом свете! // На белом свете, под этим небом, на этих пашинях // Простим заблудших, претерпим властных, поднимем падиших!»

А позже я уже и сама давала их в «Поэтическом роднике» на Казахском радио. Всё было музыкой в этих стихах, и всё было призывом «милости к падшим», ведь

и властные, и алчные, и заблудшие – из их числа. И думаю, пушкинское «чувства добрые я лирой пробуждал» для Курдакова важнее, чем «восславил я свободу». Как важнее – «покой и воля», которых так недостает.

Курдаков появлялся в Алма-Ате из Усть-Каменогорска то с известным фотохудожником, то с Валентином Балмочных, то с Адрианом Розановым, и сразу всё вокруг него поэтически завихрялось, ехал ли народ с ним к Руфи Тамариной или в Дом творчества, или к кому-то из друзей. И как-то само собою стало очевидным, что ему необходимо переезжать в Алма-Ату, где он и стал вскоре литературным консультантом в Союзе писателей Казахстана. Евгения Курдакова признали все и сразу: и старшее поколение, по сути дела – фронтовое, и наши крутые литинститутцы, после окончания главного московского писательского вуза дружной молодой когортой возгласившие начало новой литературной эры.

Повезло и в Алма-Ате тем поэтам, кто был у него в литобъединении Союза писателей, об этом писали, например, Ольга Шиленко и Стас Ли. Мне же довелось присутствовать на паре бесед его с Ауезханом Кодаром в Доме творчества, где они оба тогда жили. Женя начал переводить Абая, Ауезхан был поэтом двуязычным, молодым тогда, но пытливым и читающим. И хотя громогласие их бесед порой зашкаливало, думаю, им обоим, и Ауезхану, позже также переводившему Абая, были полезны эти встречи. Полезны для его становления поэта, признавался Кодар.

А мне повезло в 1990 году быть редактором вышедшей в издательстве «Жазушы» поэтической книги Евгения Курдакова «Из первых рук», которую иллюстрировал, сделав рисованный портрет поэта, известный художник Альберт Гурьев. В нее вошли практически все стихи его, написанные к тому времени, животворной стихией которых я была отныне беспредельно захвачена. И тем в большем волнении погружалась позже в откровения новгородской «берестяной» книги, открывающей его дорогу к Храму.

Алматинские годы были очень плодотворны для Курдакова на издания. В 1991 году вышла первая книга стихов в Москве – «Словно белый рассвет». Годом позже в «Жазушы» – чудесная книга повестей, эссе, очерков «Золотое перо иволги», редактировала которую Наталья Крексунова, а помогала править на машинке моя дочь Ольга. Почти ежегодно выходили книги, наработанные всей его предыдущей «жизнью в слове».

Думаю, при всем непросто бытовании Евгения Васильевича в Алма-Ате, это был важный и необходимый период бытия поэта и исследователя, утвердивший его в собственных силах и возможностях, позволивший приехать в Великий Новгород, а потом и в Москву в убеждении своего пути, предощущении свершений и открытий. А «покой и воля» для них были обретены в доме с видом на Святую Софию. Когда Евгений Васильевич умер, я спросила по телефону у его сестры Людмилы Васильевны: «Женя не жалел, что переехал в Великий Новгород?» Она ответила: «Даже и не думайте об этом. Никогда. Он благодарил судьбу за всё, открывшееся ему здесь».

Вот что успел сделать Курдаков за те неполных десять лет, что прожил в России, куда уехал в середине 1993 года.

В 1995 году он окончил в Москве Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького по специальности «критика и литературоведение».

одновременно с учебой ведя молодежную поэтическую студию при журнале «Наш современник». В том же году Е. В. Курдаков был принят на работу в Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, где основал и возглавил мастерскую по художественной обработке материалов на кафедре педагогики технологий и ремесел. В своей педагогической работе он стремился прививать вкус и любовь к народным традициям, к изучению и восстановлению древних технологий народных промыслов Новгородчины.

В конце девяностых Евгений Курдаков становится лауреатом литературных премий журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия», дважды удостоен Всероссийской Пушкинской литературной премии за большой вклад в современную русскую культуру. В 1999 году в Москве вышли Избранные стихи Евгения Курдакова в серии «Поэтический Олимп» (Лауреаты Всероссийского поэтического конкурса им. А. С. Пушкина). Он избран академиком Петровской Академии наук и искусств как исследователь творчества Пушкина, Тютчева, Бунина, Есенина, Абая, переводчик с тюркских языков, автор более двухсот публикаций в литературно-художественных журналах страны и за рубежом.

Результатом поисковых поездок по Новгородской земле стало научно-лингвистическое исследование «Открылась бездна...», включающее, в частности, малоизученные памятники письменности дохристианской культуры – берестяные грамоты, Влесову книгу. В последние годы жизни в Великом Новгороде появились на свет главные его книги стихов и прозы, сложились последние строки незавершенного научного труда «Исход в бессмертие», посвященного исследованию мировых эпитафических систем и включающего темы Древней Новгородики, в частности, малоизученные памятники письменности дохристианской культуры.

Евгений Васильевич Курдаков умер 28 декабря 2002 года после тяжелой продолжительной болезни. В марте 2010 года в Новгородском государственном университете прошла международная конференция «Речь. Слово. Знак. К 70-летию со дня рождения Е. В. Курдакова», посвященная также выходу в свет монографии «Избранные исследования», включающей его работы по истории происхождения и развития речи, языка и письменности: литературно-лингвистические эссе, научные и историко-лингвистические исследования.

Спустя несколько лет после кончины поэта литературно-художественный альманах «Братина» провел I Международный поэтический конкурс имени Е. В. Курдакова «Купина неопалимая». В 2020 году к 80-летию Евгения Курдакова Союзом писателей России при поддержке литературных интернет-журналов «МОЛОКО» и «Соты» проведен II Международный поэтический конкурс имени Е. В. Курдакова «Купина неопалимая» с целью поддержки тех современных поэтов, которые остаются верны традициям русского поэтического слова.

В этом же году в Санкт-Петербургском издательстве «СТРАТА» вышло два издания книги Людмилы Васильевны Курдаковой «Евгений Курдаков в воспоминаниях сестры», рассказывающей не только о новгородских годах жизни поэта, когда снова сошлись все родные, но и о переезде в Усть-Каменогорск, ставший, по словам поэта, «родиной его стихов», о бузулукских детстве, отрочестве, юности, о становлении личности будущего литератора. Этим годам посвящен и «Семейный альбом» самого Курдакова, но сестра подробнее открывает жизненные обстоятельства, пережитые вместе, которые навеки ранили, крепко закалили и

воедино спаяли: болезнь матери, ее прикованность к постели, раннее сиротство троих детей при живом отце, где старший и талантливейший – Женя... И где всё же был, по его признанию, – «любви щадящий сад» и любимая семейная песня «Ах, хорошо на свете жить!» Сдержанность повествования, нежность к старшему брату, благодарность ему за возрастание рядом собственной души, свидетельства «из первых рук» о его напряженной жизни с большим цитированием созданного им, и безусловный литературный дар автора делают эти воспоминания нерядовым явлением среди написанного о Е. В. Курдакове.

Памятные курдаковские мероприятия все эти годы проходят и в Усть-Каменогорске с изданием книг поэта и о поэте стараниями семьи, друзей и общественности города, и на его родине в Бузулуке и Оренбурге. В Великом Новгороде и Старой Руссе главным организатором таких встреч стала его племянница Наталья Прокопчук, дочь Людмилы Васильевны, филолог по образованию, работающая в музее Ф. М. Достоевского. Она же организовала в Старой Руссе, где поэт похоронен, музей-библиотеку памяти Евгения Курдакова.

Исследователь творчества поэта, кандидат филологических наук, доцент НовГУ Н. М. Копытцева, автор монографии «Золотое перо России. Жизнь и творчество Евгения Курдакова» пишет: «Великому Новгороду и новгородцам выпала честь принять... одного из самых замечательных поэтов России под свой кров». А выдающийся русский литературовед и критик профессор Вадим Кожинов считал Евгения Курдакова «одним из самых замечательных поэтов последней четверти XX – начала XXI века».

